

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 27 (1508)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Чуйкова «Чужая наука за российские рубли», опубликованная в газете «Аргументы недели», № 5, 8-14 февраля 2018 года.

Вологда
февраль 2018

Чужая наука за российские рубли

Кто заставляет наших учёных отдавать свои идеи на Запад

С 2013 года, когда чиновники стали управлять российской фундаментальной наукой, так называемый импакт-фактор (уровень цитируемости) журналов, в которых публикуются наши учёные, стал главным и абсолютным критерием истины. По этому фактору оценивают – крут «человек научный» или так себе. Чиновнику вынь да положь публикацию «там», российские научные журналы для него – бесполезная макулатура. О том, как наши мозги оплодотворяют и капитализируют рейтинг иностранных журналов, «АН» в канун Дня пока ещё живой российской науки – 8 февраля – поговорили с замдиректора Института океанологии РАН, доктором биологических наук, членом-корреспондентом РАН Михаилом ФЛИНТОМ.

За три полярных моря

– Михаил Владимирович, недавно вы вернулись из крупнейшей экспедиции в Арктику. Как сходили?

– Государственная поддержка позволила нам делать в Арктике необыкновенно интересную науку. В прошлом году за 45 дней и ночей научный коллектив из 80 учёных прошёл по арктическим морям на нашем ведущем научном судне «Академик Мстислав Келдыш» более 15 тысяч километров. Искали ответы на главные вопросы, которые стоят перед нами в этом регионе: как меняется Арктика в связи с современными климатическими тенденциями, каковы могут быть наиболее опасные формы антропогенного воздействия на её экосистему, изучали колоссальные экологические риски, накопленные в российской Арктике.

Прежде всего они связаны с тем, что в Карском море в районе Новой Земли находится крупнейший в мире морской радиоактивный могильник. Второе, в арктические моря разгружается гигантское количество континентального стока – арктические реки дренируют более 60% площади России. Всё, начиная от бытовых отходов и удобрений до отходов завода «Маяк», где утилизируются радиоактивные отходы, уходит с речным стоком в Арктику. Какова судьба этих загрязнений? Как они перерабатываются и захораниваются естественным путём? Могут ли

быть опасны для человека? Всем этим вопросам и была посвящена экспедиция. Накоплен богатейший материал, который сейчас анализируется.

– О радиоактивном фоне подробнее можно?

– Утечки, которые мы регистрировали, захватывают площадь всего в несколько квадратных метров. И превышение уровня радиоактивности над фоном небольшое. Можно говорить о том, что пока могильники находятся в сохранном, приемлемом состоянии, но из-за агрессивной морской среды всё может поменяться мгновенно. Общий объём захоронений, по неполным официальным данным, – более 570 терабеккерелей. Немыслимая величина!

– Меня пугает, когда учёный муж говорит о «приемлемом состоянии». Не отличном, не хорошем...

– Я так сформулировал намеренно, потому что сейчас отсутствует возможность прогноза. И упаси господи, если несколько могильников разрушатся. Мы должны понимать: а что тогда произойдёт с поступившей в воду радиоактивностью? Будет ли морская экосистема арктического региона демпфировать возможное загрязнение? Если да – то каковы механизмы? Или, наоборот, загрязнение разнесётся по всему региону? Как загрязнение повлияет на морскую биоту, объекты промысла, сможет ли достичь человека?

Это важнейший фронт вопросов для фундаментальной науки, и ответы имеют колоссальное значение как для внутренней жизни России, так и для её геополитики. Ведь наши арктические радиоактивные могильники – это повод лишний раз укусить, унижить нашу страну. [end_short_text] И ответить нечего – формально всё верно говорят супостаты. И нам надо иметь в руках все козыри в этой скорее политической, нежели экологической игре – постоянные наблюдения, экологическое понимание проблемы, и главное, государственное внимание к ней и науке, которая её решает.

– Сколько стоила экспедиция?

– Стоимость эксплуатации научного судна вместе с командой – 1 миллион 30 тысяч рублей в сутки. То есть чуть больше 45 миллионов. Плюс около 7 миллионов стоило участие учёных. Зар-

плата в них не входит. Для такого объёма исследований по важнейшей государственной проблеме, связанной с Арктикой, деньги смешные.

Жену отдай дяде

– От вас теперь будут требовать публиковаться, т.е. отчитываться об экспедиции, в западных научных журналах?

– Участники экспедиции решили, что, как и после предыдущих экспедиций, все наиболее важные результаты будут сначала опубликованы в нашем ведущем журнале «Океанология». Тем более что публикации по Арктике вызывают интерес во всём мире. Предыдущие «арктические» выпуски «Океанологии» существенно увеличили уровень его цитируемости.

Но в целом ситуация достаточно горькая. От учёных, которые, выполняя исследования за деньги госбюджета, получают прекрасные результаты, система оценки требует публикаций «там», а не на родине. Какая-то парадоксальная ситуация складывается! Мы собственными руками и мозгами повышаем рейтинги и капитализацию чужих журналов, причём, подчёркиваю, за деньги нашего налогоплательщика. Часто учёный ещё должен заплатить из того же бюджета или из своего кармана одну-две тысячи долларов (в зависимости от рейтинга журнала) за возможность опубликоваться за рубежом.

– Недавно разговаривал с одним закрытым физиком-ядерщиком. Он закончил проект, связанный с обороной, и ругался чуть ли не матом на чиновников, которые от него требовали отчёта за потраченные деньги в виде минимум двух статей, которые должны быть напечатаны в ведущих иностранных научных журналах по этой теме. Иначе, мол, гранта больше не дадим. Только вмешательство ФСБ спасло учёного от государственной измены.

– У нас в океанологии всё не так секретно, конечно. Но... Сейчас многие иностранные журналы стали требовать не только самих статей, но и предоставления оригинальных данных, которые «подпирают» публикацию. Опять возвращаюсь к парадоксальности ситуации. Образно говоря, государство нам выделило пилы, бензин, инструменты, транспорт. Мы поехали в лес, напилили и накололи дров, и эти дрова отдаём, чтобы топить иностранную издательскую избу. А сами сидим в холоде!

– В народе есть более жёсткое определение: «жену отдай дяде, а сам иди... к девке»!

– Да, похоже на то. Мы собственными руками поднимаем импакт-фактор чужих научных журналов, их капитализацию. Плюс это поднимает расценки на публикацию наших учёных в этих журналах. То есть мы ещё и платим за это! Полный абсурд!

Есть ещё один аспект, о котором не принято говорить вслух. Например, учёный подготовил статью о каком-то уникальном явлении, в экспедиции собрал данные, которые по необходимости приложил к рукописи будущей статьи. Отправил всё за кордон. А статью взяли и отклонили, не объясняя причин. Но саму идею, расчёты могут подхватить западные «коллеги», сделать на её основе заявку на грант, собственную публикацию и несколько лет жить припеваючи. Это, конечно, не чистое воровство, но где-то близко.

И не надо делать из современных западных коллег святых, святостью там не пахнет. В США да и в других западных странах наука – это тот же бизнес со всеми своими волчьими законами и забвением этики. И надо понимать, что сейчас это не плохо, это просто «нормально».

– А если бы материал был опубликован вначале в нашей стране? Идею бы не «спёрли»?

– Бывает, но процент вероятности значительно ниже. Несмотря на буквально убогое состояние большинства наших научных журналов, они внимательно отслеживаются организациями, которые дают гранты на исследования, редколлегией иностранных журналов, да и научной общественностью, потенциальными рецензентами. При первичной публикации внутри страны мы сохраняем за собой приоритет открытия, новых идей. И хотя фундаментальная наука интернациональна, но в вопросах приоритета я шовинист.

Хирш не стыдно показать

– Складывается впечатление, что это сознательная политика нашего правительства. В 90-е годы прошлого века учёные буквально бежали из страны. Сейчас нашли новый способ – исследователи сидят здесь, получают гранты и зарплату из российского бюджета, а свои открытия дарят иностранцам. И волки сыты, и овцы почти целы.

– Многие учёные разделяют эту точку зрения. Но страшно об этом даже думать. Такая страна обречена. У меня другое мнение: к управлению наукой в стране пришли непрофессионалы. Им всё непонятно. Даже язык наш непонятен, не говоря уже о веками выработанных критериях научной ценности. Управленцам же проще всё свести к цифре и наделить её магической, а по сути, финансовой силой. Для них эта единственная возможность управлять наукой и судить её. Оценить научное значение той или иной статьи чиновник не может – не обучен. Зато, когда всё сводится к некой цифровой системе, это очень удобно. В одном журнале опубликовано, значит, хорошая статья, в другом – похуже. А уж если в отечественном, то... Когда уровень цитирований возводится в фетиш – это для науки смертельно.

– Недавно даже ведущий научный журнал Nature («Природа») опубликовал небольшую заметку о том, что импакт-фактор – это яд для самой сути научной работы.

– Когда это всего лишь один из инструментов, то нестрашно. Но ориентация только на импакт-фактор журнала для оценки важности той или иной работы и на индекс Хирша, как единственный показатель уровня учёного, на мой взгляд, неверна для научных исследований, которые есть творчество.

Невольно вспоминаю период в советском искусстве, когда значимость и цена живописи оценивались по площади картины – чем больше, тем лучше и дороже. История, к счастью, всё расставила по своим местам.

Несостоятельность «цифроабсолютизма» при оценке научных результатов понимают не только учёные старших и средних поколений, но и, к счастью, те, кто только приходит в науку. Молодёжь в нашем институте написала вот такую неприличную песенку: «Я учёный не х...вый, есть и грант РФФёвый, и на людях, так сказать, Хирш не стыдно показать».

– **Все эти «импакт-факторы», «Хирши» и прочая наукометрия – гомункулы?**

– Грубо говоря, это уровень цитирования статей, опубликованных в том или ином научном журнале, и количество цитирований статей учёного. Ни для кого не секрет, как можно повлиять на эти индексы. Собираются люди, которые входят в одну команду или, как образно говорят в Америке, – «петлю» (he is in the loop), и договари-

ваются цитировать друг друга. Например, один пишет в статье про Арктику: «Карское море по динамике своей экосистемы отличается от Чёрного моря». И сразу три-четыре цитирования статей коллеги по «петле» про Чёрное море в определённом журнале. Хирш и импакт-фактор растут. А другой член «петли», готовя публикацию про Чёрное море, также цитирует статьи коллеги по Карскому морю, который в Чёрном никогда и не был. И опять индексы тянутся вверх.

А наши чиновники на них молиться готовы. Друзья цитируют друзей: просто бизнес, но никак не критерии истинной значимости в фундаментальной науке.

Мир в чёрно-белом цвете

– **Так, может быть, надо наших учёных, получающих деньги из кармана налогоплательщиков в виде грантов, государственных заданий или зарплаты, просто обязать вначале отчитываться за них в отечественных научных журналах? А затем уже в иностранных.**

– Когда был создан Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) в его правилах были требования публиковать полученные при его поддержке результаты в российских научных журналах. Сейчас про это забыли. Но заставлять публиковаться в отечественных журналах вроде бы простой и лёгкий, но, на мой взгляд, неприемлемый путь.

Наши научные журналы в массе своей влачат нищенское существование. Материально-техническая база устарела настолько, что космические снимки публикуются в чёрно-белом цвете. Увеличение объёма выпуска, которого требует выполнение госзадания, невозможно – нет денег. Для перевода на английский научных статей нанимают будущих педагогов из провинциальных колледжей. А потом берёшь английскую версию своей же статьи и не понимаешь, о чём там написано. Даже иностранцы в личных разговорах выражают удивление – у вас уникальные материалы, с уникальными данными, но понять статью решительно невозможно. Кто будет после этого на неё ссылаться?!

Поэтому вначале надо вытащить наши научные журналы из известного места, в котором они оказались. Тогда учёные, и не только российские, поверьте мне, сами понесут в них материалы, вырастут этот пресловутый импакт-фактор и индексы Хирша

наших авторов, станет престижно говорить: «Я опубликовался в «Океанологии», например.

И ещё. Достаточно Владимиру Путину на пресс-конференции ответить на вопрос про Арктику: «А вы читаете журналы «Доклады Академии наук» и «Океанология» – там опубликованы новейшие материалы российских исследований накопленных экологических рисков». И, как водится в нашей стране, мысли чиновников пойдут в нужном направлении (смеётся).

– Это, ответят вам в правительстве, очень дорого, а у нас денег нет!

– Сейчас Академия наук издаёт 140 научных журналов. Тратит 220 миллионов рублей в год. Конечно, они нуждаются в реорганизации – слиянии и закрытии некоторых, создании новых. Второе. Нельзя издание научных журналов вести на конкурсной основе, объявляя, согласно законодательству, конкурс каждые полгода и создавая условия для возможной смены издателя. Это патология, которая в результате приведёт к серьёзнейшим и необратимым потерям. Журналы имеют от 6 до 12 номеров в год, и каждый номер готовится 3–4 месяца – как этот переходящий цикл уложить в конкурс, объявляемый каждые 6 месяцев, не знает никто.

Издание научных журналов в России – дело, на мой взгляд, государственное, и государство вправе не нарушая закона назначить единственного «поставщика услуг», как это делается в оборонной и космической промышленности, и передать ему право издателя. Кто будет этот единственный поставщик, решат правительство и РАН.

– Всякая инициатива опирается в деньги!

– Уже подсчитано: чтобы вывести журналы на приличный международный уровень по полигра-

фии, по качеству перевода, увеличить объём некоторых изданий, вдохнуть в них новую жизнь, привлечь иностранных рецензентов, нужно 350–370 миллионов рублей в год в течение 3–4 лет. Две трети этих денег в бюджете Академии наук есть. Разговор идёт о дополнительных 170 миллионах рублей. Конечно, можно сказать – безумные деньги. Но стадион «Зенит-Арена», по-моему, обошёлся «всего-то» в 43 миллиарда...

– Сразу становится понятным, кто «матери-правительству» более ценен.

– Мы можем предъявлять свои научные достижения миру через чужие журналы, а можем через свои. Что сейчас предлагают: а давайте закроем все наши журналы с низким уровнем цитирования. Давайте! А заодно больных детей можно куда-то отсылать, стариков на гору умирать отводить. Ведь от них тоже никакой прямой выгоды нет, одни расходы... У меня другая точка зрения – сделать так, чтобы и больные дети, и старики были полноценными участниками нашей жизни и членами общества. Мы ведь – великая держава, не так ли?!

Я ни в коем случае не против публикации статей в иностранных журналах. Но я за российские научные журналы, за их высокий уровень. За их привлекательность для отечественных и иностранных учёных, за то, чтобы они соответствовали высокому статусу российской науки и страны в целом. Чтобы люди с гордостью говорили: моя статья вышла в «Докладах Академии наук» или в «Физике атмосферы и океана», или в «Химии». Ведь всё просто – кто не кормит свои научные журналы, будет кормить чужие. С армией это уже поняли.

А. Чуйков